

ФЕЛИКС ЛЕВ

ЛЕСНАЯ ГРАМОТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“
Москва · 1967

ПРО КОГО ЭТО

Е

сть люди — живут в больших городах. Есть — в деревнях. А Мишка живёт не в деревне и не в городе, а на кордоне у дедушки.

Кордон — это избушка прямо посреди леса.¹ Тут и перед окнами, и куда ни пойдёшь, ни глянешь, — всё ёлки, да сосны, да ещё иногда кривые берёзы, да малина по вырубкам, да молоденькие посадки, да огромные муравейные кучи.

¹) Кордон — лесной пост.

Есть ещё возле дома запруда, которую Мишка с дедом каждую весну чинят и обновляют, чтобы не провало. Есть пруд, и в нём плавает большая водяная крыса — ондатра. А прячется на берегу в норе.

Рыжие белки живут в лесу и пугливые серые зайцы. А волков совсем нет, потому что их и не надо. Если бы волки были, они могли таскать овец или кур, или даже задрать телка. Они бы выли зимой. И дедушка всё равно бы их застрелил. Ведь у него есть ружьё-двустволка, которое очень метко стреляет.

Дедушка не просто живёт в лесу — он лесник. Он сторожит лес. А Миша ему помогает. Одна девочка, которую Миша встретил, засмеялась:

— Чего же лес сторожить? Он ведь без ног — никуда не убежит, не денется!

Вот и то, что деться может! Вдруг — лесной пожар? Вдруг — дрянной человек с топором придёт? Вдруг — заведётся вредная гусеница, жучок? Вот и прощай лес!.. А чтобы этого не было, живёт на кордоне леснику»

Я

ЛЕСНАЯ ГРАМОТА

приехал на знакомый кордон. Устал с дороги, попил с лесником чаю и лёг спать. А утром проснулся очень рано, оттого что где-то далеко грохотало, шумело и разносилось по всему лесу.

Я подумал: это валят деревья, и вспомнил, что рассказывал мне вчера лесник.

Текла одна речка когда-то, широкая, глубокая, и по ней плыли пароходы, а в жаркие дни купались люди. А на берегу был густой зелёный лес. И люди в деревнях сеяли пшеницу и рожь, сажали картошку, помидоры, капусту.

Но вот однажды сказал человек: лес — это прочные брёвна и гладкие доски; это — комоды, столы, табуретки; это — белая бумага и жаркие дрова. И пришли сюда лесорубы — не один, не два, сразу тыща! На каждого лесоруба по дереву — вот и леса нет: весь срубили.

Стало здесь светло и просторно, много свободного места и далеко видно. Зато все звери и птицы пропали, и грибов не стало, и ягод. А потом обмелела река, пароходы не могли больше плыть: ведь раньше лес охранял воду. И душные ветры днём и ночью сушили землю: раньше лес не пускал их. И поля начали плохо родить. Вовсе пришло к людям горе — стало голодно в их домах. Даже в колодцах пересохла вода. А в воздухе пахло зноем и дымом. Тогда только люди поняли, что лес — не одни лишь дрова, табуретки; лес — это зелёная прохлада в жаркий полдень; это много маленьких звонких ручьёв, которые несут свою воду в большие реки; это полезный чистый воздух и сколько ещё другого хорошего!

Я не утерпел и спросил:

— А что было дальше?

— Что? Посадили семена люди и стали ждать, пока вырастет новый лес, — не выдержал Мишка.

— А долго он растёт?

— Вот сколько лет мне, столько и нашему лесу, — сказал Мишкин дедушка.

„Ого, — подумал я, — значит, деревья и вовсе рубить нельзя. Срубишь — а после целых семьдесят лет ждать, пока вырастут!“

А лесник сказал ещё:

— Если рубить только старые деревья, а молодые не трогать, — никакого вреда и не будет. Людям без досок и брёвен тоже ведь не обойтись. Вот стол нужен, вот изба... Только лес надо рубить с умом, надо вот что знать лесную грамоту,

ПЧЁЛЫ ОТРОИЛИСЬ

В

лесу цветёт липа, на каждой полянке полно разных цветов, и от этого всюду пахнет чем-то знакомым, душистым, сладким. Да ведь это же мёдом пахнет: подходи — бери! Вот и „берут“ пчёлы, и носят в свои ульи с раннего утра и до вечера — весь светлый день работают.

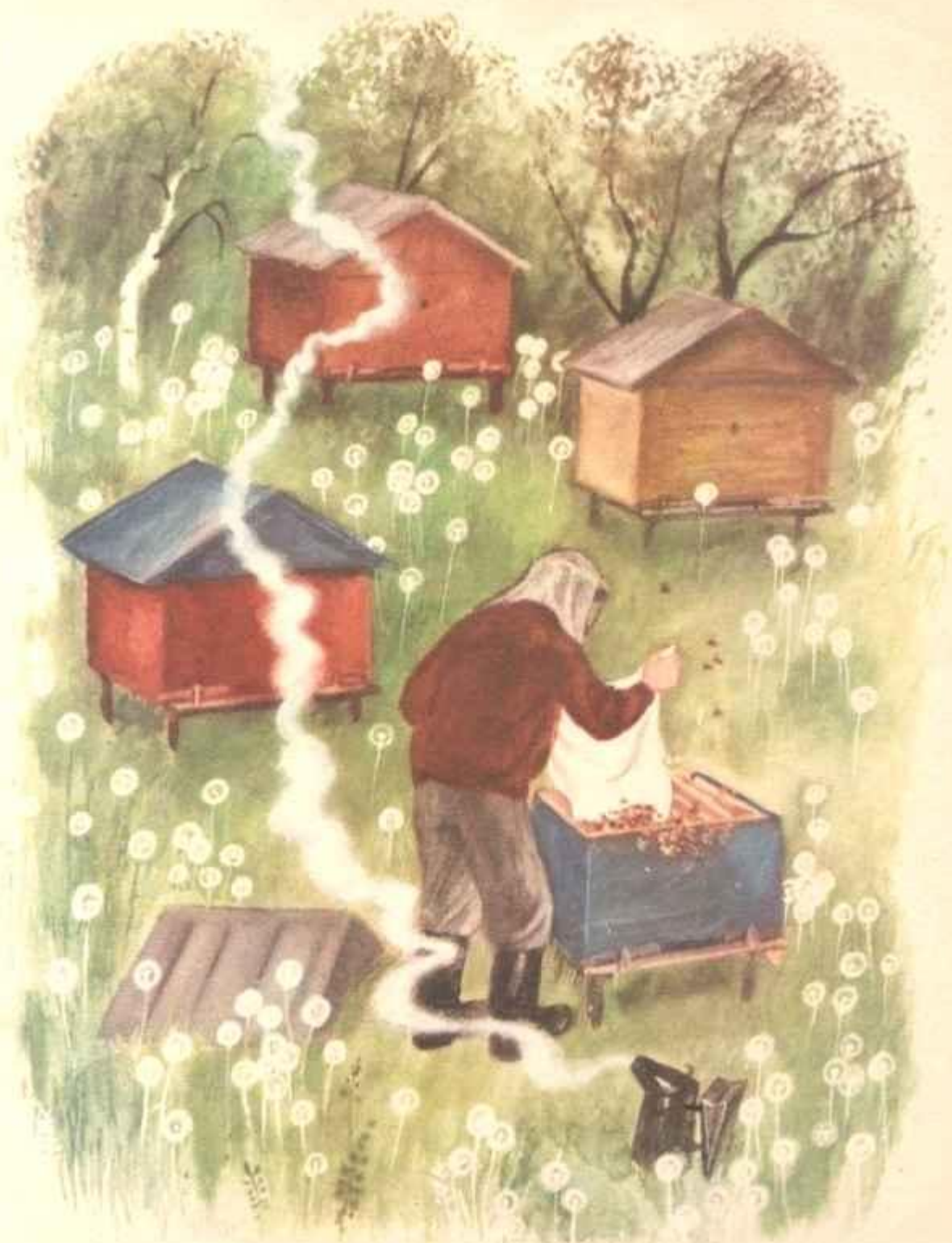
У деда было четыре улья. Из одного вылетела молодая матка и за ней другие пчёлы — новый рой. Рой сел в саду на яблоньку. Старик скорее взял куль из вывернутой еловой коры и смёл туда пчёл. Они его жалили. Одна прямо в глаз. Глаз оплыл, а дед смеётся: „Это полезно, когда пчела кусает!“

Вечер пришёл. Стало смеркаться. Пчёлы в это время смирные. Дед принёс деревянные рамки с чистыми восковыми ячейками — сотами. Он составил рамки в пустой ящик, а сверху потряхнул куль. Пчёлы так и посыпались грудой, будто не живые, а сухие, бумажные, и зашелестели. Он ещё потряхнул — ещё посыпались и... заползали. Дед их дымом окуривать! Когда всех вытряхнул и они заползли в улей, дед сверху постелил досточки — потолок и поставил крышу от дождя.

Пчёлы в улье гудели, а некоторые выползали через щёлочку-летку и снова заползали в улей. Дед был в фуфайке, а на лице — сетка. Только руки голые, он в них держал дымарь. Это — вроде чайника с носиком, откуда выходит дым. Внутри „чайника“ разные гнилушки горят, берёзовый гриб, а позади — меха¹, чтобы раздувать огонь. А пчёлы дыма боятся, дуреют от него и не жалят.

¹ Меха¹ — кожаный мешок, чтобы накачивать воздух.

„ДЕР! ДЕР! ДЕР!"

„А

ер! Дер! Дер!" —кто-то противно кричит в лесу.

„Скрип... Скрип... Скрип", — скрипит возле дома ворот: ведро опускают в колодец.

А в ответ ещё громче:

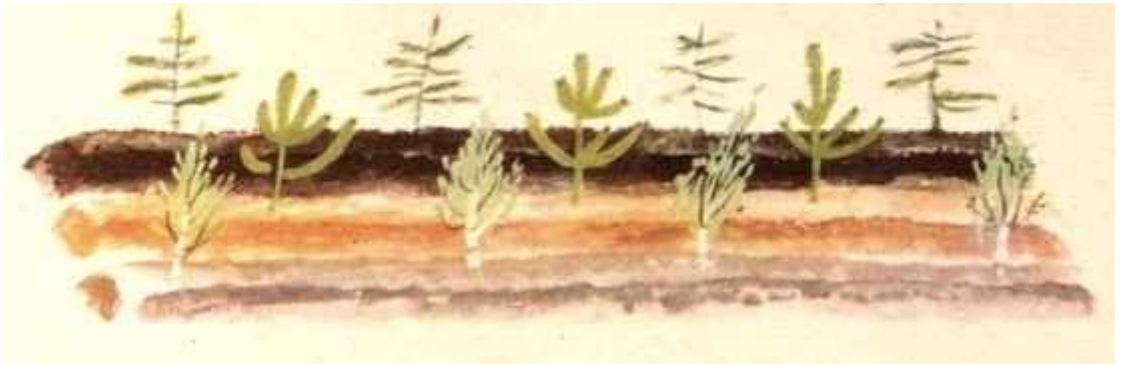
„Дер! Дер! Дер!" — будто кто-то сердится там, думает, наверно, что его передразнивают.

Пошёл, выследил: это же старая знакомая, птица деряга! Так её лесник называет.

Прошлым летом, когда я тоже гостил на кордоне, мы с дедом в лес ходили, делянки осматривали. Вижу — пёстренькая птичка, чуть поменьше грача, схватила что-то с земли и — в кусты. Я за ней потихоньку: сидит, жёлудь расклёвывает. Позавтракала и — за другим. А другой-то есть не стала. Разгребла клювом землю, мох и зарыла.

Вот такая она, птица деряга: закопает жёлудь про запас, а сама и забудет. А он — возьми да и вырасти!

Теперь, когда я в лесу молодой дубок замечу, то думаю: где-то здесь птица деряга живёт. А что она так противно кричит, так это пускай себе...

ЛЕСОСЕКА

Там секут лес. Секут — значит, валят деревья. Я пошёл туда, а мне навстречу по дороге ревели огромные грузовые машины-лесовозы. Они везли лес — длинные деревья с обрубленными сучьями, хлысты.

А где-то далеко визжали электрические пилы, с треском и грохотом валялись деревья. Это и была лесосека. Туда не пускают, потому что опасно: всюду валят деревья, и может придавить. А те, кто там работает, знают, как надо беречься.

Когда шум на лесосеке затих, увезли все хлысты, сгребли и сожгли ветки, — я пришёл туда. Там на большой поляне, где раньше очень старые деревья росли, одни пеньки остались.

...На кордоне, возле избы — грядки. На грядках не помидоры, не огурцы растут, а маленькие пушистые ёлочки и сосенки. Когда жарко, их поливают. И землю вокруг них тоже разрыхляют граблями. Всё, как на огороде! У ёлочек на грядках земля чёрная, а у сосенок песок — кто что любит.

Весной Мишкин дедушка возьмёт из этого лесного питомника саженцы — совсем ещё молоденькие сосенки и ёлочки — и привезёт их на лесосеку. Здесь их посадит. Будет расти новый лес.

ЗАБЛУДИЛИСЬ

Пошли мы однажды с Мишкой за грибами и заблудились. Случилось это так. Искали грибы: под берёзами — подберёзовики, под осинами — подосиновики. Слушали, как дятел по дереву клювом долбит, червяка-закорыша под корой ищет. Сильно стучит, будто клюв у него железный.

На вырубке, где пни торчат да растут молодые деревья, напали на малину. Мы корзину возле пня поставили, сами принялись собирать. Собираем, собираем — и прямо в рот: даже говорить перестали. Вдруг в стороне что-то большое как затрещит в кустах, за-ломает — и затихло. Мы и замерли.

Я говорю:

— Что бы это?

— Медведь, может? — шепчет Мишка.

Я говорю:

— Убежал, кажется...

— А если вернётся?..

Сразу нам отсюда захотелось. Схватили грибы и скорей подальше.

— Ну, — говорю, — Мишка, хорошо мы с тобой бегаем. Только посмотрим — где это мы? Всё кругом незнакомое. А компас я на кордоне забыл! И дождь начинается, темнеет. Что теперь будет?..

Вдруг Мишка сказал:

— Идти нужно вон куда, — и показал на большую муравьиную кучу.

А я подумал: „Нет, совсем не туда. Дорога должна быть вон там, слева“.

— Всё-то ты, Мишка, путаешь.

А Мишка упрямится, даже злой стал:

— Нет, сюда, сюда!

Тут я засомневался:

— Откуда ты знаешь?

— Вот знаю! — говорит Мишка и за руку меня тащит.

Идём, всё идём... Скоро деревья стали редеть, больше показался — большая проезжая дорога. Удивился я, обрадовался:

— Как ты, Мишка, знал, куда идти?

— Очень просто, — сказал Мишка, — по муравьиным кучам. Муравьи всегда к югу от дерева селятся, чтобы солнце пригревало. Вот мы всё на юг в одну сторону и шли, по кучам по муравьиным. Не заметили разве?

И правда, я ничего не заметил. Вот получилось как...

Наконец и знакомый кордон. Кругом темно, дождь моросит, а в окнах горит свет — лесник поджидал нас там. На столе гудел самовар.

— Много грибов набрали?

— Много, — сказал Мишка. — Чуть на медведя не наскочили.

Дед засмеялся:

— Медведей в нашем лесу давно нет. Вот лось — может быть...

— А-а, лось? А мы-то думали... — сказал Мишка.

А я промолчал.

НА ПОКОСЕ

Р

ано утром, Мишка спал ещё, дед ушёл на покос. Утром трава мягка, в росе и хорошо косится. А кругом не жарко, потому что солнце ещё не поспело, не поднялось ещё.

Дед недалеко ушёл и в обед вернулся домой. Он вернулся и стал на железном бруске косу отбивать, чтобы она острей была. Он по ней молотком стучал: тюк... тюк... тюк...

А Мишка рядом вертелся и всё просил:

— Дедка, возьми на покос... Ну возьми...

От удара коса греется, накаливается. И дед сказал Мишке:

— Сходи, принеси воды.

Мишка мигом притащил полную кружку с водой. Дед макал молоток в воду.

К вечеру, когда жара спала, дед с Мишкой отправились на покос. Дед косил, а Мишка граблями ворошил сено, которое утром скосили. Чтобы скорей просохло. Когда сено просохнет, можно его

в копны сгребать и смётывать на зиму в стога.

Дед неподолгу работал, потому что был старый и скоро уставал. Он всё ходил отдыхать на пенёк возле высокой сосны. У сосны кора была содрана сверху донизу, будто когтём кто деранул. Мишка спросил:

— Это кто?

— Это гроза в дерево стукнула, — говорит дед, — молния.

— Она в землю ушла?

— В землю. Куда же ещё...

— Значит, землю копать и её выкопаешь? Дли-инная стрела...

Дед подумал и ничего не ответил, он только сказал:

— Станешь ходить в школу, там и узнаешь. Учитель про всё расскажет.

ЛЕСНОЙ ВРЕДИТЕЛЬ

Дед отправился обход делать своему лесу. Он ходил-ходил, весь лес обходил, а вернулся сердитый.

Дед сказал:

— Вредный жук-короед напал на деревья. Съест жук с деревьев кору — вот и погиб лес!

А Мишка спросил:

— Один жук разве может съесть большой лес? Разве жук такой большой?

— Да уж, большой! Поменьше ногтя...

— А чего ж с ним не справятся?

— Да ведь их сколько, жуков!

На каждом дереве, возле каждого сучка сидят и грызут, точат. Если их просто руками снимать с деревьев, то даже у всех людей рук не хватит.

И Мишка тоже тогда испугался и не знал, что же теперь делать?

А дед молчал. Он потом сел на высокий свой велосипед и уехал в деревню, в контору. Там висит телефон. Дед снял трубку и сказал:

— Жук-короед напал на лес. Пришлите помощь!

— Помощь будет, — ответили деду в трубке. И дед вернулся на кордон.

А утром прилетел самолёт. Он летал над всем лесом и разбрасывал жёлтый ядовитый порошок.

— Ну теперь короед забегает, да никуда не спасётся, — сказал дед. И даже улыбнулся.

ОНДАТРА

ндатра жила далеко. Очень далеко — в Америке. Там она купалась в большом озере. И ловила на обед лягушек.

У неё толстый хвост и гладкий густой мех. Она, как большая крыса, только не боится воды, плавает

и даже ныряет. Так её и зовут: ондатра — водяная крыса.

Потом её посадили в самолёт и повезли, а куда — она и сама не знала. Привезли самолётом из Америки к нам и здесь выпустили. Теперь в наших озёрах тоже ондатры живут. Им у нас понравилось. Они любят есть траву-осоку и сочный камыш. И лягушек здесь тоже едят.

И в этом вот пруду, на лесном кордоне, живут ондатры.

В пруду живут ондатра-папа и ондатра-мама. А весной у них будут маленькие ондатры-малыши. Большие ондатры для своих малышей норы копают, делают дырки в запруде. А Мишка с дедом всё чинят запруду: новые колья забивают, землёй засыпают, чтоб вода из пруда не вытекла.

Мишка сердится:

— Отчего ондатра не в другом месте копает, а вот запруду?!

— На то она и ондатра, чтобы норы делать, — говорит дед. — А здесь она оттого копает, что земля мягче.

ПОДАРОК

обрался я уезжать домой в город. Побрился, оделся, сложил свой рюкзак и попрощался с хозяевами.

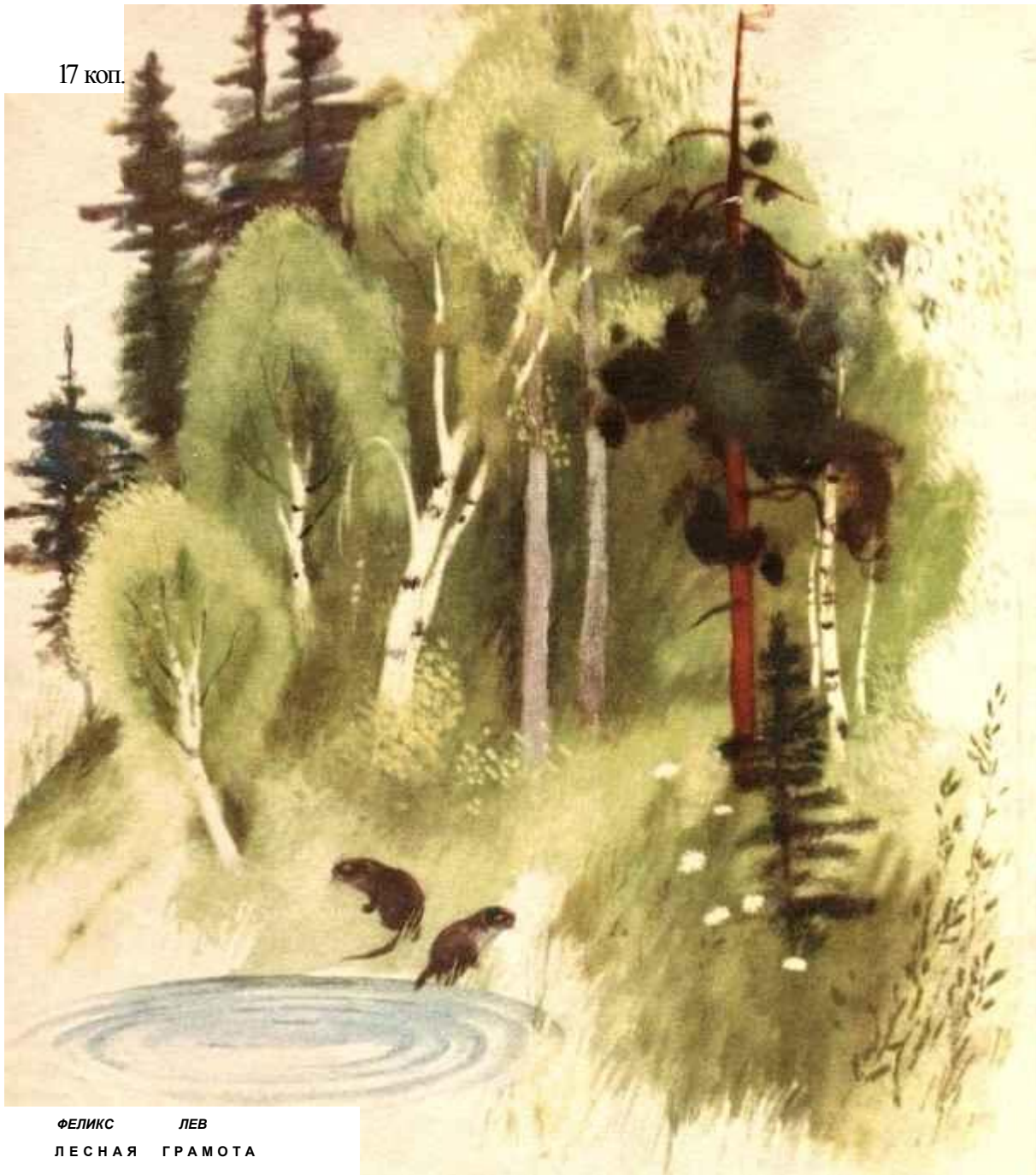
На прощание дал мне старый лесник баночку мёда. Сверху баночка закрыта бумажкой, завязана бечёвкой. А мёд всё равно пахнет — лесными полянами, цветами, липой. Всю дорогу не даст мне забыть о лесе, и там, дома, тоже не даст...

А Мишка подарил самый обыкновенный глиняный горшок с землёй. И больше ничего. Только велел поливать почаще. А сам улыбается так загадочно.

Я всё исполнил: поставил горшок дома на табуретку и поливал всю зиму и потом всё лето. И когда уже стал забывать про кордон, и про лес, про Мишку, — выросло у меня в горшке вот что: не цветок, и не лесная трава-мурава, а настоящее маленькое дерево — сосёнка. И такие зелёные, пушистые, нежные были на ней иголки, так свежо пахла она смолой, такие в будущем обещала лесные тенистые шатры, и грибы, и белку, что я вдруг стал думать: как же это получается, что в маленьком крылатом зёрнышке из обыкновенной шишки запрятано такое вот чудо? И всё ду-

ФЕЛИКС ЛЕВ
ЛЕСНАЯ ГРАМОТА

Редактор Л. Архарова Художественный редактор Г. Коптелова
Технический редактор И. Колодная Корректоры Н. Сендерова и С. Бланкштейн
Подписано к печати 23/VIII-67 г. Формат 90X90/8 Тир. 150 000 2,3 п. л. Уч.-изд. л. 2,39 Изд. № 105 Заказ № 1862
По оригиналам издательства «Малыш» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР
Московский комбинат бумажных изделий Главного управления промышленности по производству игрушек «Рославигрушка»
Министерства, легкой промышленности РСФСР. Москва, Люсиновская, 30
Фабрика офсетной печати № 2 Росглаволиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР
г. Дмитров, Московской области, Московская, 3.